

Соперничество США и Китая в Южно-Китайском море

Rivalry between the US and China in the South China Sea

Ибрагимов А.Г.

д-р философии по политическим наукам, преподаватель Бакинского Государственного Университета, Азербайджанская Республика.

e-mail: ialimusa@mail.ru,

Ibragimov A.G.

Ph.D. in Political Sciences, Teacher of the Baku State University, Azerbaijan Republic.

e-mail: ialimusa@mail.ru

Аннотация

Целью настоящей работы является исследование условий, причин возникновения, особенностей проявления и перспектив соперничества США с Китаем в Южно-Китайском море. Во втором десятилетии XXI в. этот водоем продолжает оставаться «горячим местом». Этот «очаг напряженности» в Юго-Восточной Азии тлеет в течение десятилетий при «низком уровне температуры», иногда переходя к вооруженной конфронтации. Самый серьезный инцидент произошел, когда военная авиация КНР приблизилась к филиппинскому судну, в то время как китайские, филиппинские и американские военно-воздушные суда повсюду находились на малых высотах в непосредственной близости. Этот инцидент вполне мог бы перерасти в военный конфликт между Китаем и Соединенными Штатами из-за сочетания агрессивных действий Пекина и рискованного поведения Манилы и Вашингтона. Работа освещает рост напряженности между США и Китаем в Южно-Китайском море. В статье также рассматривается геополитика соперничества сверхдержав и подчеркивается тенденция приобретения этим соперничеством значительных морских масштабов. Анализируются геостратегии Китая и США в целом. Наконец, в статье исследуются последствия соперничества США и Китая для будущего Южно-Китайского моря.

Ключевые слова: Южно-Китайское море, США, Китай, соперничество, геополитика.

Abstract.

The purpose of this work is to study the conditions, causes, features of the manifestation and prospects of the rivalry between the US and China in the South China Sea. In the second decade of the XXI century, this reservoir continues to be a "hot place". This "hotbed of tension" in South-East Asia is smoldering for decades at a "low level of temperature," sometimes rising to armed confrontation. The most serious incident occurred when the PRC military aircraft approached a Philippine ship, while Chinese, Filipino and American air forces were walking around at low altitudes in close proximity. This incident could well have escalated into a military conflict between China and the United States because of the combination of Beijing's aggressive actions and the risky behavior of Manila and Washington. The article highlights the growing tensions between the US and China in the South China Sea. The article also discusses the geopolitics of the rivalry between the superpowers and highlights the tendency of this rivalry to acquire significant sea scales. The article examines the geostrategies of China and the United States as a whole. Finally, the article explores the consequences of rivalry between the US and China for the future of the South China Sea.

Keywords: South China Sea, USA, China, rivalry, geopolitics

Геополитика и Южно-Китайское море

Почему Южно-Китайское море стало таким спорным вопросом в отношениях США-Китай? Во-первых, у Китая растут интересы на море, а экономическое влияние Пекина и военная мощь возрастают. Эти большие ресурсы предоставляют Китаю возможность выдвигать свои претензии на регион с позиции гораздо большей силы в отношении Соединенных Штатов и других государств. Таким образом, Пекин стал гораздо более напористым в Южно-Китайском море и в других местах в последние годы. Тем не менее, мало кто ожидал, что Южно-Китайское море станет центром соперничества между США и Китаем. На первый взгляд, Южно-Китайское море не должно быть столь же важным для Китая, как Тайваньский пролив или Корейский полуостров.

Китай долгое время отдавал предпочтение сдержанному подходу к Южно-Китайскому морю. На протяжении десятилетий этот подход способствовал разоружению других заявителей и Соединенных Штатов. В то же время Китай активизировал преследование рыболовных судов и морских правоохранительных судов других государств. Однако, по крайней мере, с 2013 г. Китай инвестировал больше времени, энергии и ресурсов в Южно-Китайское море.

Вашингтон считает Южно-Китайское море высокоприоритетным водным ресурсом для морских интересов США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также важным символом приверженности США более широким принципам международного права. В качестве практического решения Соединенные Штаты стремятся помешать Китаю в одностороннем порядке занимать рифы, строить искусственные острова и утверждать господство. В принципе, Соединенные Штаты непреклонны в сохранении свободы морей, свободы судоходства и мирного разрешения морских территориальных споров [11].

Геополитический анализ, который рассматривает влияние географии на международную политику, предлагает наиболее полную интерпретацию. При расчете балансов сил и оценке национальных интересов не следует игнорировать географическую близость противников и союзников, а также местонахождение топографических и морских объектов критической стратегической важности. Геополитика подчеркивает огромное геостратегическое значение прибрежных районов [2; 3; 21]. Значимость этих морских районов подчеркивается критической важностью международной морской торговли: 90 процентов мировой торговли транспортируется судами и примерно половина этой торговли либо пересекает Южно-Китайское море, либо заканчивается вблизи него [24]. Соответственно, водоем расценивается как «точка опоры мировой торговли» Это проясняет вопрос о том, почему Соединенные Штаты и Китай стали рассматривать Южно-Китайское море как центральный элемент своего геополитического морского соперничества.

Геополитическое соперничество между США и Китаем

Соединенные Штаты и Китай не сталкивались друг с другом на поле битвы с 1953 г., а с 1972 г. они общались расширением экономических и дипломатических контактов. Тем не менее, возникло множество споров наряду со значительными разногласиями в политике, особенно после окончания «Холодной войны». После распада Советского Союза произошел ряд политико-военных кризисов, каждый из которых поднимал призрак эскалации к использованию военной силы. Однако Соединенные Штаты и Китай продолжают сотрудничать по многим вопросам и, как правило, поддерживают рабочие отношения. Однако взаимное недоверие и враждебность пронизывают двусторонние отношения, а Вашингтон и Пекин воспринимают друг друга как соперников.

Соперничество между Соединенными Штатами и Китаем в Азиатско-Тихоокеанском регионе обусловлено географией. Разумеется, это банальное наблюдение требует уточнения. Роберт Росс утверждал, что Китай является преимущественно континентальной державой, а Соединенные Штаты в основном являются морскими. Как следствие, он утверждает, что их соперничество более стабильно. При этом Росс подчеркивает, что «география мира», скорее всего, будет преобладать [25, с. 81]. По словам Росса, «Биполярная региональная структура

после холодной войны характеризуется доминированием Китая в континентальной Восточной Азии и доминированием США в морской Восточной Азии» [25, с. 84]. Росс объясняет, что на рубеже веков «Китай доминирует в континентальной Юго-Восточной Азии», тогда как «Флот США доминирует в морской Юго-Восточной Азии» [25, с. 86]. Однако в течение первых двух десятилетий двадцать первого века конкуренция между Соединенными Штатами и Китаем усилилась в западной части Тихого океана, а Южно-Китайское море стало центральной точкой. Появляется новая география конфликта, потому что Китай становится крупной морской державой. Действительно, Росс замечает, что «Китай может только дестабилизировать биполярную структуру, бросив вызов морскому превосходству США» [25, с. 99].

Пекин сосредоточил большие ресурсы в расширении морских возможностей Китая [10, с. 100]. Соперничество усилилось, так как глобальная гегемония США в эпоху после окончания Холодной войны бросает вызов Китаю.

Итак, почему усилилась напряженность на Южно-Китайском море? Во-первых, существует тенденция в сторону континентального мышления, которое вытекает из трудов Хэлфорда Маккиндера. Такие ученые, как Збигнев Бжезинский, подчеркивают фактор евразийской суши и сосредотачивают свое внимание на геостратегической важности Центральной Азии и устройства Кавказа на фундаменте «сердца» Маккиндера [4]. В предыдущих «горячих войнах», включая Первую мировую войну и Вторую мировую войну, боевые действия наиболее жестоко разыгрывались в континентальных сражениях и наземных кампаниях в Европе. Кандалы времен «Холодной войны» оказались тяжелыми для Вашингтона, и Пентагон десятилетиями боролся за то, чтобы понять новую карту мира в отсутствие Советского Союза и без призрака крупной сухопутной войны на европейском континенте.

Между тем Китай сосредоточил внимание на модернизации своих военных и военизированных формирований с уделением особого внимания морским силам. Разумеется, Соединенные Штаты не игнорировали свои военно-морские силы, но стремительность, с которой возможности всех служб Народно-освободительной армии (НОАК) начали приближаться к возможностям военных сил США, была драматичной. Вступление в лексикон Пентагона «Отказа в зоне» (A2 / AD) является свидетельством признания Вашингтоном новой стратегической реальности в западной части Тихого океана. A2 / AD относится к возрастающей способности военных Китая держать под угрозой военные силы США, которые действуют в западной части Тихого океана. Более того, в последнее время Пентагон заговорил о необходимости проводить «Третью стратегию смещения» для решения сложных задач, стоящих перед Соединенными Штатами, заявленными различными потенциальными противниками [34].

Акцент третьей стратегии смещения заключается в использовании технологических преимуществ США для противодействия все более сильным традиционным военным возможностям, которые разрабатываются и развертываются в большом количестве другими странами, в частности Китаем. Однако, в отличие от смещений 1950-х и 1970-х годов, единого противника нет, и это решение не требует большего внимания к ядерному оружию. Хотя Пекин, безусловно, является главной проблемой США, это не единственный вызов, с которым сталкивается Вашингтон. То, что подчеркивает Третья стратегия смещения, – это технологические достижения в области моря и воздуха с уделением особого внимания противодействию противоборствующему высокоточному оружию.

В стратегических исследованиях обращается пристальное внимание Индийскому океану и Южно-Китайскому морю [18]. Роберт Каплан подчеркнул важность мировой океанической системы в геополитике. Хотя океаны мира уже давно играют ключевую роль в геополитике, значение океанов только увеличилось в результате расширения объема судоходства. Это подчеркивает важность Южно-Китайского моря, которое пересекается некоторыми из самых загруженных судоходных путей в любой точке планеты.

Вторая причина, по которой Южно-Китайское море стало ареной напряженности, заключается в том, что этот регион кажется периферийным для признанных геополитических центров силы. Кроме того, Южно-Китайское море не связано с существенными территориальными претензиями. Взгляд на расположение крупных держав и расположение сильно вооруженных потенциальных противников показывает, что серьезные очаги напряженности Азиатско-Тихоокеанского региона можно найти в Северо-Восточной Азии. Корейский полуостров остается очень политически напряженным, а два сильно вооруженных противника сталкиваются друг с другом через так называемую демилитаризованную зону. Более того, Северная Корея имеет расширяющийся ядерный арсенал с улучшенными системами доставки. Добавим к этому, что Соединенные Штаты как союзник Южной Кореи владеют значительными военными силами как на полуострове, так и вне него, а Китай – союзник Северной Кореи. Результатом является неустойчивая ситуация. Кроме того, между Китаем и Японией существует значительная напряженность, особенно в отношении расположения островов Сенкаку (Дяоюю). Еще одной точкой напряженности является Тайваньский пролив.

Третьей причиной роста напряженности вокруг Южно-Китайского моря является то, что этот водоем не представлял собой проблему в соперничестве США и Китая. Действительно, эскалация напряженности в Южно-Китайском море, казалось, вышла из ниоткуда. По словам Бжезинского, этот водоем просто представлял собой риск конфликта между Китаем и странами Юго-Восточной Азии: он не видел опасности столкновения США и Китая над Южно-Китайским морем [4, с. 154]. Более того, Росс считал Южно-Китайское море «наименее значимой» точкой напряженности по сравнению с Корейским полуостровом и Тайваньским проливом [25].

Конец 2000-х годов, по-видимому, является переломным моментом в статусе водоема. Глобальный финансовый кризис 2008 г. сильно ударил по Соединенным Штатам, но оставил Китай относительно невредимым [13, с. 661]. К середине 2010 г. Вашингтон пришел к выводу, что растущая уверенность Пекина в Южно-Китайском море и в других местах требует более решительного ответа США. Китай интерпретировал более жесткие действия администрации Обамы как полный разворот и отреагировал весьма резко. Дипломатическое противостояние произошло на встрече министров регионального форума АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) в Ханое (Вьетнам) в июле, когда государственная секретарь США Хиллари Клинтон сформулировала политику США в отношении Южно-Китайского моря и косвенно раскритиковала действия Китая. Министр иностранных дел КНР Ян Цзечи горячо ответил, пытаясь запугать небольшие государства Юго-Восточной Азии [22].

Суть проблемы Южно-Китайского моря

Соединенные Штаты и Китай являются геополитическими соперниками. Хотя и есть элементы сотрудничества, которые обычно характеризуют многие межгосударственные отношения, – обе страны рискуют быть вовлеченными в непреднамеренную войну. Многие соперничества в мировой истории включали значительные морские измерения. Особенно известным было англо-германское соперничество, которое в конечном итоге переросло в Первую мировую войну, о чем писали такие ученые, как Пол Кеннеди [19].

В течение второго десятилетия XXI в. Южно-Китайское море стало центром конфронтации между Соединенными Штатами и Китаем. Тем не менее, существуют и другие совпадающие соперничества, которые еще больше повышают значимость водоема: теперь Китай также участвует в соперничестве с Индией, Японией и Тайванем, в дополнение к ряду государств – претендентов Юго-Восточной Азии. Для Индии Южно-Китайское море представляется очень актуальным, хотя и второстепенным после Индийского океана, и является стимулом для усиления напряженности между Пекином и Нью-Дели [16, с. 185]. Для Японии Южно-Китайское море имеет гораздо большую значимость, но оно по-прежнему занимает менее важное место в его соперничестве с Китаем, чем Восточно-

Китайское море. Между тем соперничество между Тайбэем и Пекином выходит за пределы Тайваньского пролива и перетекает в Южно-Китайское море [31].

Совокупный эффект этих соперничеств привел к тому, что Южно-Китайское море, вероятно, «наиболее оспариваемое морское пространство в мире» [20, с. 911].

Так почему же Южно-Китайское море стало фокусом китайско-американского конфликта? Ответ совершенно очевиден: Китай заботится о Южно-Китайском море. В то время как в Пекине существуют значительные споры в отношении сухопутных границ, многие из которых были разрешены мирными переговорами, морские споры, особенно Южно-Китайское море, со временем значительно увеличились. Более того, Вашингтон также придавал большое значение Южно-Китайскому морю в последние годы. Наиболее заметно, что Китай стал крупной морской державой, главным образом в Азиатско-Тихоокеанском регионе (хотя Пекин имеет глобальные устремления), и Соединенные Штаты были вынуждены принять это к сведению.

Кроме того, Южно-Китайское море было поднято до вопроса, имеющего жизненно важные национальные интересы, возникшего в принципе, и стало центральным элементом внутренней политической легитимности Коммунистической партии Китая (КПК). Для Пекина этот водоем стал символизировать сердце неприкосновенных исторических морских притязаний КНР, кристаллизовал принцип территориальной целостности и национального единства и стал исходным для вмешательства во внутренние дела Китая самым значительным соперником великой державы. Вкратце выражаясь, для китайских лидеров море стало главным фактором в геостратегическом соперничестве Пекина с Вашингтоном [12]. Следовательно, в сознании коммунистических правителей Китая нет места компромиссу. В мае 2017 г. президент Си Цзиньпин, как сообщается, сказал филиппинскому президенту Родриго Дютерте: «Мы не хотим ссориться с вами... Но если вы не решите проблему, мы пойдем на войну» [6].

Поскольку Китай расширил международную торговлю в эпоху реформ после 1979 г., Пекин начал придавать гораздо больший вес морским вопросам. Китай принял большое стратегическое военно-морское видение, широко отнесенное к покойному адмиралу Лю Хуацину (1916–2011 гг.), которое впервые было изложено в начале 1980-х годов, когда флот НОАК постепенно расширил свою досягаемость в Тихом океане в поэтапном освоении Китайского моря. На первом этапе к 2000 г. флот НОАК должен был расширить свою зону операций в Приморских морях (Южно-Китайское море, Восточно-Китайское море и Желтое море) до так называемой первой островной цепи – Курильских островов, Японии, Рюкюса, Тайваня, Филиппин, Борнео и Натуны Бесар. Флот НОАК расширил свои полномочия за пределами прибрежных вод Китая, включив «близлежащие берега» или прибрежные (Цзинань) и «близкие моря» (дзиньхай). На втором этапе к 2020 г. Военно-морской флот НОАК нацелен на прогнозирование оперативного охвата так называемой второй островной цепи – Бонины, Марианские острова и Каролины. На третьем этапе к 2050 г. Китай станет глобальной морской державой и, следовательно, будет наравне с военно-морским флотом США. Действительно, деятельность ВМС и усилия по энергетическому проекту до сих пор шли в ногу с этим сроком.

Кроме того, многие стратеги НОАК взяли на вооружение наработки американского военно-морского стратега Альфреда Тайера Мэхэна. Мэхэн подчеркивает центральное значение морской власти для нации, в частности связь между военно-морской экспансией государства, экономическим развитием и ростом морской торговли [15]. Остров Хайнань стал морским центром для Китая. Он построил современную военно-морскую базу на южной стороне острова в Юлине, что позволяет подводным лодкам входить без всплытия и следовательно, не быть видимыми для спутников. Эти подповерхностные платформы, вероятно, включают подводные лодки с баллистическими ракетами, которые будут приобретать все большее значение, поскольку Китай дополняет свои наземные ядерные ракеты использованием морских ракет. НОАК может рассматривать Южно-Китайское море как «бастион подводных лодок с баллистическими ракетами» – участок относительно

безопасной воды, в которой он может безопасно разместить баллистические ракеты в мирное время и начать их применение во время войны [32, р. 243].

Но почему Южно-Китайское море стало ключевым для Пекина? Во-первых, Китай превратился из чисто континентальной державы в середине двадцатого века в морскую на рубеже XXI в. Вторая тенденция заключается в том, что экономический центр тяжести Китая переместился на юг от северо-восточного Китая – Дунбэй или Маньчжурии – к валу восточного прибрежного Китая, простирающемуся от Тяньцзиня до Шанхая и далее на юг до Гонконга, Гуанчжоу, Хайкоу и пляжей Саня. В-третьих, воды в Тайваньском проливе стали более спокойными. В период между 2008 и 2016 г. отношения между Пекином и Тайбэем значительно улучшились.

В течение первых четырех десятилетий существования КНР вспышки напряженности были полностью континентальными. В начале 1950-х годов основным источником вспышки в Китае был Корейский полуостров (с Тайваньским проливом, являющимся второй горячей точкой). В 1960-х, 1970-х и 1980-х годах самая горячая точка в Китае была его обширная сухопутная граница с Советским Союзом, второй горячей точкой была южная сухопутная граница с Вьетнамом. Однако к середине 1990-х годов наиболее заметные очаги напряженности Китая стали морскими: Тайваньский пролив был главным предметом озабоченности, а Восточно-Китайское море являлось второй горячей точкой. Этот переход произошел, поскольку Пекин разрешил большую часть своих наземных пограничных споров с соседними столицами, за исключением Нью-Дели [36, с. 139].

Рост напряженности после Холодной войны произошел в Тайваньском проливе, особенно во время кризиса 1995–1996 гг. [26, с. 227]. Корея и Тайвань продолжали быть очагом напряженности в первое десятилетие XXI в. Тем не менее, к 2010 г. Южно-Китайское море, похоже, заменило Тайваньский пролив как самую серьезную морскую горячую точку для Китая. Это изменение, видимо, совпало с дрейфом на юг экономического центра Китая. Значительным элементом этого является большая морская торговля Китая с морской Юго-Восточной Азией и за ее пределами в Европу и на Ближний Восток, но нельзя игнорировать растущее экономическое взаимодействие Китая с континентальной Юго-Восточной Азией, с провинцией Юньнань и ее столицей Куньмином, как главной дорогой, железнодорожным и воздушным терминалом. Кроме того, напряженность между США и Китаем из-за Тайваня была вытеснена фактором Южно-Китайского моря. Этот водоем стал фокусом взаимного подозрения и соперничества США и Китая.

Корейская проблема имеет как континентальные, так и морские измерения. Продолжающаяся нестабильность на полуострове вызывает тревогу у Китая не только из-за общей сухопутной границы с Северной Кореей, но и из-за значительной морской торговли с Южной Кореей и Японией. Напряженность в Корее обострилась, особенно с 2010 г., поскольку ядерные и баллистические программы Северной Кореи достигли значительного прогресса, отношения Пекина и Пхеньяна заметно ухудшились.

Южно-Китайское море является критическим элементом периферии Китая, важнейшей подсистемой в районе Китая и важным каналом выхода в мир. Таким образом, по мнению одного видного китайского ученого, спор вокруг Южно-Китайского моря «предполагает значительные политические, экономические и экономические интересы» [36, с. 138].

Неопределенность развернулась вокруг определения Китаем Южно-Китайского моря как «основной интерес». В последние годы Пекин начал использовать этот термин для обозначения ряда приоритетных вопросов национальной безопасности, особенно чувствительных территориальных вопросов, таких как Тайвань, Тибет и Синьцзян. Некоторые утверждают, что КНР обозначила Южно-Китайское море как «основной интерес». Хотя китайские официальные лица, как сообщается, использовали этот термин в закрытых дискуссиях с американскими коллегами, эта фраза еще не появилась в публичном заявлении или в документе КНР [1, с. 104]. Хотя нет сомнений в том, что Южно-Китайское море является одним из самых важных вопросов в Пекине, китайские лидеры, похоже, пришли к выводу, что им нечего не выиграть из того, если сделать это обозначение

официальным. Это приведет, скорее всего, к дальнейшему обострению напряженности в отношениях с Соединенными Штатами, поскольку это будет только способствовать укреплению позиции Китая в отношении его требований в Южно-Китайском море как «максималистических» [35, с. 45].

Важность Южно-Китайского моря была только подчеркнута недавними политическими инициативами. В 2013 г. президент Си Цзиньпин публично выступил с большой помпой по программе «Один пояс, одна дорога». Он объявил об инициативе в двух громких выступлениях – в Центральной Азии и в Юго-Восточной Азии. В инициативе есть два основных компонента: континентальный и океанический. Си Цзиньпин предложил развитие сухопутного «пояса» дорог, рельсов и трубопроводов из Китая в Юго-Восточную Азию, Южную Азию и Центральную Азию, простирающихся дальше в Европу и на Ближний Восток. Он также предложил развитие «морской шелковой дороги» из Китая через Южно-Китайское море и в Индийский океан и за его пределы. В планах подчеркивалось значение двух регионов: морской Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Первый из них является ключевым водным путем, в то время как последний становится связующим звеном сухопутного пояса и морской дороги. Эта смелая инициатива, похоже, имеет свои корни в великом плане развития начала XXI в., нацеленном на создание инфраструктуры Китая, что стимулировало экономический рост в слаборазвитых и не имеющих выхода к морю регионах Китая.

Когда Пекин смотрит на восток, он оказывается ограниченным военными базами США на первой и второй островных цепях, мощным военно-морским флотом США, оспаривающим ближние моря и его надежными союзниками, в частности Токио и Сеул. Напротив, взгляд на запад показывает более открытый геостратегический ландшафт. Несмотря на то, что в первой и второй декадах XXI в. в Центральной Азии было военное присутствие США, баланс сил в этом регионе гораздо меньше искажен в пользу Америки. Пекин наладил хорошие отношения со столицами Центральной Азии и все чаще регион входил в экономическую орбиту Китая. Более того, Соединенные Штаты приступили к сокращению своих вооруженных сил в Афганистане, а влияние Китая в этой стране находится на подъеме [17].

Стратегия Китая в отношении Южно-Китайского моря

Политическая позиция Пекина в Южно-Китайском море была последовательной на протяжении многих десятилетий. В то время как Пекин стремился использовать законные средства для укрепления своих претензий на этот водоем, основное обоснование его претензии историческое, и видный ученый КНР Чжу Фэн, директор Центра совместных исследований Университета Нанкина в Южном Китае, характеризует подход Пекина как основанный на «историческом фундаментализме». Чжу противопоставляет этот китайский подход американскому подходу, который он называет «правовым фундаментализмом». В 1970-х и 1980-х годах, в течение 1990-х годов и в течение большей части первого десятилетия XXI в. Китай очень успешно реализовал эту стратегию, избежав большого внимания, противоречия или сопротивления. Однако к 2010 г. действия Китая в Южно-Китайском море были более значительными и напористыми, поэтому страны Юго-Восточной Азии все чаще вынуждены были реагировать. Филиппины и Вьетнам опасались прямого столкновения с Китаем. Вместо этого они предпочли прессинговать Соединенные Штаты. В результате Южно-Китайское море стало спорным вопросом в отношениях США и Китая [27, с. 111; 29]. Пекин воспринимает позицию Вашингтона, придерживающегося принципа свободы судоходства, как предлог для вмешательства в Южно-Китайское море. По словам одного китайского ученого, «морские споры стали растущим источником неуверенности в Восточной Азии». Причины различны и «еще более осложнены участием третьих сторон» [36, с. 139].

Позиция Китая при Си Цзиньпине была направлена на активизацию деятельности в Южно-Китайском море. С декабря 2013 г. Пекин приступил к масштабной программе

мелиорации земель – в общей сложности более 2900 акров были добавлены на архипелаге острова Спратли [7]. В мае 2014 г. десятки рыболовных судов, судов береговой охраны и семь боевых кораблей ВМС США образовали концентрические кольца защиты вокруг нефтяной вышки HD-981 в 120 милях от побережья Вьетнама [30]. Этот эпизод стал явным свидетельством подавляющей силы Пекина.

Геостратегические цели США

В качестве глобального актора Соединенные Штаты определяют свои национальные интересы в глобальном масштабе [33]. Более того, после окончания «Холодной войны» Соединенные Штаты были доминирующей морской державой в мире. До недавнего времени американские самолеты и морские суда могли работать в воздухе и водах практически в любой точке мира, не опасаясь серьезного вызова. Следовательно, Вашингтон привык к тому, что он обладает хорошей степенью свободы действий в международных водах и воздушном пространстве. Морское господство в Азиатско-Тихоокеанском регионе было особенно важным, и в 2015 г. Министерство обороны США выпустило Стратегию безопасности на море в Азиатско-Тихоокеанском регионе, основные части которой были сосредоточены на Южно-Китайском море. На протяжении десятилетий Соединенные Штаты вели большую торговлю с Азией, чем с Европой. Сегодня в Тихом океане проходит множество торговых путей, и Соединенные Штаты создали сеть соглашений о свободной торговле. После краха коммунизма в Восточной Европе и роста новых демократий большее политическое внимание переместилось в Азию. Поле битвы за ведение «войны идей» переместилось в Азию, поскольку азиатские страны, включая Северную Корею и Мьянму, стали объектом озабоченности из-за широко распространенных нарушений прав человека. В области обороны Соединенные Штаты стремились укрепить свои связи с союзниками, расширять связи безопасности с другими демократиями по всему региону (в частности, Индией) и перекладывать больше ресурсов в Азиатско-Тихоокеанский регион. Раздутое «перебалансирование» или «поворот» в регионе, объявленное администрацией Обамы, означало, что Соединенные Штаты намерены уделять больше внимания Азиатско-Тихоокеанскому региону. Наиболее четкое и подробное изложение «перебалансировки» есть в недавней книге, созданной ключевым идеологом [5]. Однако администрация Дональда Дж. Трампа после вступления в должность нового президента в январе 2017 г. пыталась переосмыслить политику США в отношении региона. Тем не менее, в первый год своей работы администрация Трампа в основном была озабочена событиями на Корейском полуострове. Трамп в качестве избранного президента публично критиковал действия Китая в Южно-Китайском море в Твиттере в декабре 2016 г. [9]. Более того, государственный секретарь Рекс Тиллерсон указал, что он выступает за резкий ответ США Китаю в Южно-Китайском море во время слушаний по подтверждению в январе 2017 г. [12]. Должностные лица министерства обороны также говорили о реагировании на действия Китая в Южно-Китайском море. Выступая в июне 2017 г. в Сингапуре, министр обороны Джеймс Маттис осудил «пренебрежение Китаем международного права и его презрение к интересам других стран» в Южно-Китайском море [23]. Соединенные Штаты больше озабочены возможностью свободно действовать в западной части Тихого океана, чем в отношении оккупации отдельных островов или контроля над конкретными проливами. Первоочередная публично сформулированная задача Министерства обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе – «обеспечить свободу моря», в том числе «использование моря и воздушного пространства» ... для военных кораблей и самолетов» (U.S. Department of Defense, “Asia-Pacific Maritime Security Strategy,” 1, 2.).

Подход Вашингтона к Южно-Китайскому морю можно охарактеризовать как довольно гибкий на практике. Соединенные Штаты непреклонны в вопросе о неприкосновенности принципа свободы судоходства и приоритете защиты глобального достояния. Вашингтон настаивает на соблюдении международного права. Тем не менее, с точки зрения Пекина,

Вашингтон предвзято относится к Китаю и вмешивается в морской регион, далекий от геостратегических основных интересов США.

Каждая сторона стремится как минимум справиться с проблемой Южно-Китайского моря или, в идеале, убедить другую сторону уступить или хотя бы пойти на компромисс. Однако геополитический анализ показывает, что будущее этого водоема, вероятно, будет изменчивым, а потенциал непреднамеренной эскалации больше, чем предполагалось.

Каково будущее геополитической конкуренции между Соединенными Штатами и Китаем в Южно-Китайском море? С одной стороны, ни одна из сторон, скорее всего, не откажется от своей позиции на этом полузакрытом море. С другой стороны, ни одна из сторон не стремится к усилению напряженности в двусторонних отношениях, не говоря уже о прямом военном конфликте. Такое положение вещей гарантирует сохранение «медленного кипения» в Южно-Китайском море. Но помимо этого, есть реальная возможность усилить соперничество и даже потенциальную эскалацию межгосударственной войны. По меньшей мере три фактора указывают на серьезную причину тревоги: наличие множественного и перекрывающегося межгосударственного регионального соперничества, появление варианта парадокса стабильности и нестабильности и растущей дилеммы безопасности. Во-первых, геополитическое соперничество между Китаем и Соединенными Штатами осложняется существованием регионального соперничества, в котором Южно-Китайское море играет либо первичную, либо второстепенную роль. Таким образом, соперничество между Японией и Китаем, а также между Индией и Китаем также связано с позицией и конкуренцией над этой частью воды. Более того, существует конкуренция между несколькими государствами Юго-Восточной Азии и между этими государствами и Китаем, включая союзников и партнеров Соединенных Штатов. Эти третьи стороны, в том числе союзники США (Филиппины, партнер США по безопасности в Тайване), могут либо смягчить конфликт, либо усугубить напряженность в Южно-Китайском море, и перейдут на усиление напряженности в США. Во-вторых, неядерный вариант парадокса стабильности и неустойчивости, по-видимому, играет важную роль в Южно-Китайском море в начале XXI в., в результате чего каждая сторона имеет тенденцию чувствовать себя готовой продемонстрировать жесткую решимость. Другими словами, поскольку как Пекин, так и Вашингтон, похоже, признают, что полномасштабный традиционный конфликт между Китаем и Соединенными Штатами будет иметь серьезные и разрушительные последствия для их экономики, каждый считает, что обращение к войне с другой стороны является нелогичным и, следовательно, маловероятным [14, с. 65]. Результатом этой логики является то, что обе стороны чувствуют себя смелыми, чтобы энергично заявить о своей приверженности принципиальным вопросам. Тем не менее, некоторые аналитики утверждают, что перспектива военного конфликта между Соединенными Штатами и Китаем не является незначительной и включает в себя призрак того, что они дублируют «взаимно гарантированное экономическое разрушение» [8, с. 11].

Китайские военные считают, что они могут управлять эскалацией как в военное время, так и в мирное время, и это убеждение подкрепляется такими «успешными» конфронтационными действиями, как демонстрация силы вокруг нефтяной вышки HD-981 в 2014 г. в водах, оспариваемых Вьетнамом, что было отмечено ранее. Китайская элита убедила себя в том, что она сумеет справиться с морскими проблемами мирным путем и понимает дилемму безопасности. В отличие от предыдущих десятилетий, Китай в настоящее время намного более силен по сравнению с другими государствами, особенно в Юго-Восточной Азии, и, по крайней мере, с 2010 г. Китай воспринимается гораздо более напористым и угрожающим со стороны других государств. Следовательно, китайские действия в Южно-Китайском море теперь интерпретируются более тревожными терминами. Но все указывает на то, что Пекин еще не понял этого изменения. Ни Соединенные Штаты, ни Китай не сталкиваются с проблемой безопасности, несмотря на то, что политики и ученые в обеих странах признали, что она существует и должна быть решена. Наиболее заметное официальное выражение этого на сегодняшний день было продемонстрировано в сентябре

2009 г., когда тогдашний заместитель госсекретаря Джеймс Б. Штейнберг в своей речи указал на проблему безопасности как на центральную проблему в отношениях США и Китая [28].

Выводы

Южно-Китайское море стало центральной точкой в соперничестве между Соединенными Штатами и Китаем.

Китай принял геостратегический подход к Юго-Восточной Азии и Южно-Китайскому морю. Геополитика также подчеркивает, почему Азиатско-Тихоокеанский регион считается чрезвычайно важным для Соединенных Штатов. Соединенные Штаты приняли геостратегический подход в своей ранней стратегии двадцать первого столетия: именно поэтому Белый дом инициировал «поворот» или «перебалансировку» в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Хотя остается неясным, какую политику примет администрация Трампа, Вашингтон, скорее всего, будет обязан реагировать на геополитические реалии и, вероятно, станет придерживаться жесткой линии по отношению к Пекину в Южно-Китайском море.

Китай желает постепенно расширять свою морскую силу от своих прибрежных вод до так называемой второй островной цепи и за ее пределами. Вашингтон, похоже, решил поддерживать свое мировое океаническое превосходство и рассматривает Южно-Китайское море как центральную арену для этой борьбы. Пекин же рассматривает этот морской регион как законную сферу влияния Китая, но интенсивность и решительность его действий обусловлены логикой геостратегического соперничества с Соединенными Штатами.

Литература

1. Bader J.A. *Obama and China's Rise: An Insider's Account of America's Asia Strategy*. Washington, DC: Brookings Institution Press. 2012. 171 p.
2. Barnett Th.M.P. *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century*. New York: Berkley Books. 2005. 448 p.
3. Bracken P. *Fire in the East: The Rise of Asian Military Power and the Second Nuclear Age*. New York: HarperCollins, 1999. 224 p.
4. Brzezinski Z. *The Grand Chess Board: American Primacy and Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books. 1997. 240 p.
5. Campbell K. *The Pivot: The Future of American Statecraft in Asia*. New York: Basic Books. 2016. 432 p.
6. Dancel P. *China's Xi Threatened War over the South China Sea: Duterte* //Straits Times (Singapore). 20 May 2017.
7. Department of Defense. *Asia-Pacific Maritime Security Strategy*. 2015. 16. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/NDAA%20A-P_Maritime_Security_Strategy-08142015-1300-FINALFORMAT.PDF (the date of the appeal: 30.11.2018).
8. Dobbins J., et al. *Conflict with China Revisited: Prospects, Consequences, and Strategies for Deterrence*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 2017. 16 p.
9. Donald Trump Slams China as Currency Trade Manipulator, Enters South China Sea Debate. CNBC. 4 December 2016. URL: <http://www.cnn.com/2016/12/04/donald-trump-slams-china-as-currency-trade-manipulator-enters-south-china-sea-debate.htm> (the date of the appeal: 30.11.2018)
10. Erickson A.S. *China's Maritime Ambitions* //Sumit Ganguly, Andrew Scobell, Joseph Chinyong Liow, eds., *The Routledge Handbook of Asian Security Studies*. New York: Routledge. 2018. 392 p.
11. Firestein D.J. *The US-China Perception Gap in the South China Sea: The United States and China Perceive the Issue in Starkly Different Terms* //The Diplomat 19 August 2016. URL: <http://thediplomat.com/2016/08/the-us-china-perception-gap-in-the-south-china-sea/> (the date of the appeal: 30.11.2018).

12. Forsythe M. Rex Tillerson's South China Sea Remarks Foreshadow Possible Foreign Policy Crisis //New York Times. 12 January 2017.
13. Garver J.W. China's Quest: The History of the Foreign Relations of the People's Republic of China. New York: Oxford University Press. 2016. 888 p.
14. Goldstein A. First Things First: The Pressing Danger of Crisis Instability in U.S.□China Relations //International Security. Spring 2013. №37. P. 49–89.
15. Gunboats for China's New 'Grand Canals'? Probing the Intersection of Beijing's Naval and Oil Security Policies //Naval War College Review. Spring 2009. №. 62. P. 49–50.
16. Holmes J.R. and Yoshihara T. Redlines for Sino□Indian Rivalry //John Garofano and Andrea J. Dew, eds., Deep Currents and Rising Tides: The Indian Ocean and International Security. Washington, DC: Georgetown University Press. 2013. 272 p.
17. Huasheng Zh. China and Afghanistan: China's Interests, Stances, and Perspectives. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, March 2012. URL: <https://www.csis.org/analysis/china-and-afghanistan> (the date of the appeal: 30.11.2018).
18. Kaplan R.D. Asia's Cauldron: The South China Sea and the End of a Stable Pacific. New York: Random House. 2014. 256 p.
19. Kennedy P. The Rise of the Anglo□German Antagonism 1860–1914. Boston: Allen & Unwin. 1980. 604 p.
20. Morton K. China's Ambition in the South China Sea: Is a Legitimate Maritime Order Possible? //International Affairs. July 2016. №92. P. 909–940.
21. Nathan A.J. and Scobell A. China's Search for Security. New York: Columbia University Press. 2012. 432 p.
22. Pomfret J. U.S. Takes a Tougher Tone with China //Washington Post, 30 July 2010.
23. Remarks by Secretary Mattis at Shangri□La Dialogue. 3 June 2017. URL: [https:// www. defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1201780/remarks-by-secretary-mattis-at-shangri-la-dialogue/](https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1201780/remarks-by-secretary-mattis-at-shangri-la-dialogue/) (the date of the appeal: 30.11.2018).
24. Rose G. Ninety Percent of Everything: Inside Shipping. New York: Metropolitan Books, 2013. 304 p.
25. Ross R.S. The Geography of the Peace: East Asia in the Twenty□first Century //International Spring. 1999. №23. P. 81–119.
26. Scobell A. Show of Force: Soldiers, Statesmen and the 1995–1996 Taiwan Strait Crisis //Political Science Quarterly. Summer 2000. №115. P. 227–246.
27. Scobell A. and Harold S. An 'Assertive' China? Insights from Interviews //Asian Security. 2013. №9. P. 111–131.
28. Steinberg J.B. China's Arrival: The Long March to Global Power. 2009. 24 September. URL: <https://www.cnas.org/publications/transcript/deputy-secretary-of-state-james-b-steinbergs-keynote-address-at-chinas-arrival-the-long-march-to-global-power-transcript> (the date of the appeal: 30.11.2018).
29. Taylor Fravel M. Strong Nation, Secure Borders: Cooperation and Conflict in China's Territorial Disputes. Princeton, NJ: Princeton University Press. 2008. 408 p.
30. Thayer C. China's Oil Rig Gambit: South China Sea Game□Changer? //The Diplomat. 12 May 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/05/chinas-oil-rig-gambit-south-china-sea-game-changer/> (the date of the appeal: 30.11.2018).
31. Tiezzi Sh. Taiwan Will Not Cooperate with China in the South China Sea //The Diplomat, 15 May 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/05/taiwan-will-not-cooperate-with-china-in-south-china-sea> (the date of the appeal: 30.11.2018).
32. Twomey Ch. The Military□Security Relationship //David Shambaugh, ed., Tangled Titans: The United States and China. Lanham, MD: Rowman & Littlefield. 2013. 454 p.
33. White House. National Security Strategy 2015. February 2015. URL: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (the date of the appeal: 30.11.2018).
34. Work B. The Third U.S. Offset Strategy and its Implications for Partners and Allies (speech delivered at the Willard Hotel, Washington, DC, 28 January 2015). URL:

<http://www.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/606641/the-third-us-offset-strategy-and-its-implications-for-partners-and-allies> (the date of the appeal: 30.11.2018).

35. Yoshihara T. and Holmes J. R. Can China Defend a 'Core Interest' in the South China Sea? //Washington Quarterly. Spring 2011. №43. P. 45–59.

36. Zhang Tuosheng. Disputes over Territories and Maritime Rights and Interests: Their Political Economic Implications //Avery Goldstein and Edward D. Mansfield, eds. The Nexus of Economics, Security and International Relations in East Asia.Stanford. CA: Stanford University Press. 2012. 284 p.